

[ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРЕНИЯХ ПО ДОКЛАДУ З. Н. ГИППИУС «ИСТОРИЯ В ХРИСТИАНСТВЕ», 5 НОЯБРЯ 1914 Г.]

Наше время требует ужасной сознательности и вот почему: так трагично положение теперешнего человека по отношению к тому, что называется проливанием крови. Только недостаток воображения делает возможным сейчас говорить вдалеке от того, что делается, и как-то отвлеченно о том, что делается, и давать себе отчет в этом. Но может быть надо вспомнить, что не одними материальными толчками двигается жизнь. Когда стоишь сейчас перед вопросом о войне, о национальности или национализме и о государственности, вот как они представляются христианскому сознанию, в кот~~ором~~ я мыслю. Если есть война, я говорю, что мы не только переживаем сейчас войну, но и решаем об ней вопросы, обсуждаем ее.

И как бы мучительно не было предаваться размышлению в то время, когда люди жертвуют собой, умирают и убивают, — вопросы неотступны для тех, кто не на войне, кто остался в далеком тылу военных смертей и ран — с одной стороны, военных подвигов и достижений — с другой. Сознанье томит и спрашивает. И сила этого томления становится тем неудержимей, что это наше томящееся сознание хочет правды, — не для нас только оставшихся в тылу, но и для тех, кто ушел на войну — умирать. Мы не только переживаем сейчас войну, но и обсуждаем ее. Для чего война? Во имя чего? А за этими вопросами — стоит, как основной, как роковой — о задачах нации, о национализме. И здесь — в этом основном вопросе — русское общество переживает сейчас одно из своих великих смущений. Мы уже давно ушли от того простодушного патриотизма, которым славилась наша, как и всякая другая, древность. Мы пережили в последнее столетие столько искушений и разочарований около или прямо на службе патриотизма — расчетливого, охлажденного, официального, что старинные слова одного из романтиков этой официальности: «Любовь к отечеству и народная гордость» — обращались у нас в насмешливую поговорку реакционного толка. И даже война, бывшая в общем сознании отечественной всего столетие назад, — стала казаться чем-то вроде троянской, тем более что об ней сложена Толстым целая гениальная «Илиада».

Непривычка русской мысли к патриотизму так сильна, брезгливость русского общества к национализму стала — обратно — такой вкоренившейся привычкой, что между тем и другим перестали делать различие, и любовь к родине — непререкаемая и неотъемлемая, как любовь к самому себе, — уходила все глубже и глубже внутрь всех нас и становилась, можно сказать, — неистово-стыдливой... Да! уходила внутрь — и страшно стыдилась самой себя, — но не исчезла, не погибла. Потому, что не могла погибнуть, а могла лишь уйти внутрь, боясь признаться в том, что она есть, и боясь, как стыда — стать сознательной¹.

¹ РГАЛИ, ф. 2176, оп.1, ед. хр. 15, л. 41.

Вот удивительная судьба любви русских людей к России! Когда несколько месяцев тому назад началась война, произошли два события равного смысла: одно — это то, что все, как по договору заранее, приняли войну — и пошли воевать не за чужое и постороннее, а за свое собственное дело; второе — это то, что приняли войну не только ушедшие на войну, но и оставшиеся, приняли все. Война была принята и в действии, и в сознании. Но сознание, приняв ее, сейчас же и смущилось. И начались оправдания и самооправдания. До того это «принятие» было непривычно. И вот тут-то и поднялись вопросы о национализме. У одних — шумно и с подозрительной легкостью, у других — тяжело и без шума, словно бы прикрывая этими националистическими темами целомудренный инстинкт любви к родине...

Целомудренная любовь к родине! Не бесстыдно обнажающая себя, не самовлюбленная! (Бесстыдство и самовлюбленность, конечно, есть...) Любовь, стыдящаяся себя, — стесняющаяся, прикрывающая себя прежде самоотречением и безверием, теперь — отвлеченностями. / Кто-то сказал недавно: русское общество националистично. Ничего подобного. И не было, и не будет. Кто говорит так, тот судит о России по чиновникам, Новому Времени или в лучшем случае — по славянофильству, вышедшему наполовину из любви к России, а наполовину — из немецких бродилен: мюнхенских, берлинских, гетингенских <так!>. Русское общество всегда стремилось к космополитизму (Белинский), интернационализму (Бакунин), всечеловечности (и Пушкин, и Достоевский), богочеловечности (Соловьев). И самую идею национального мессианства перепутывало с идеей национального самоотречения. Так было и в славянофильстве (в нем, которое кончилось философичностью, и в народничестве, которое само понимало всегда свою внутреннюю связь со славянофильством (Герцен и Чернышевский)). / Само славянофильство многое блуждало и многое блудило, но ядро его, религиозное и народническое вместе, эта та отвлеченная основа, которая стала плотью не только в художественных произведениях Достоевского, Лескова, Мусоргского, Мережковского, но и в «отреченном» национализме Вл. Соловьева, и в стихийной вненациональной общественности Толстого, и она же претворилась в нежнейший инстинкт прямо националистического напряжения и у Некрасова, и у Гл. Успенского, и даже в своеобразии тоскующего лиризма и Чехова, и Сологуба можно найти признание той же основы.

Дурные привкусы славянофильства — остатки терпкого сока тех немецких бродилен, в которых оно крестило свою любовь к родине; этот терпкий сок сказался и в Фихтеанской проповеди русской «богоностности» и в оправдании абсолютизма, взятом даже не из кантианских, а из каких-то еще более древних целебных источников»².

Мы переживаем сейчас возбуждение патриотическое. Это еще пока не значит — националистическое. После долгой эпохи патриотического

² РГАЛИ, ф. 2176, оп.1, ед. хр. 15, л. 42.

младенчества мы прожили годы патриотической юности или девственности. Юность кончена. Девственность разрывается — бурно: в огне и крови. После этой войны любовь к родине будет признана русским обществом открыто перед людьми и перед Богом.

Но кто же жених, если Россия невеста? В этом вопросе со всеми его осложнениями и скрыт весь соблазн националистической веры. Известны слова Вл. Соловьева:

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята, —
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Кто жених? Ксеркс или Христос? Патриотизм есть факт вещественный — любовь к себе, к своей плоти, и — чем она стыдливее, тем и самая плоть девственно сильнее, тем восприимчивее. Национализм может быть сознательным патриотизмом — и больше ничего. Но он может оказаться самовлюбленностью, — до старости лет: чем старше, тем бесстыднее. Однако, если патриотизм стал сознательным, это может значить и то, что он стал сознающей себя волей; русский патриотизм — волей русской национальной плоти, не только любовью к себе, но и волей к чему-то иному. Любовью, которая становится уже не волей, направленной на себя, — не национальным самообожанием, но волей, направленной из себя, влюбленной волей, отдающейся жениху. Нет земли, нет страны, которая не любит себя, как бы стыдливо она себя ни любила. Но это только канун ее религиозного бытия. Немыслимо, чтобы любовь к родине осталась лишь юношеской, чтобы она не стала сознательной волей — волей к Тому, Кто один для всех народов является их живой целью и смыслом, перед Которым все они равны, — как невесты, не забывшие масла для светильников — чтобы встретить Его светом, а не тьмой. Вот назначение каждой нации, а плоть каждой — иная. Поэтому патриотизм каждой нации, любовь каждой к себе, к своей плоти различны, а национализм всех — один<,:> ожидание Христа. И кто его ждет, тот и дождется. И будут уже не нации, а одна «церковь», в которой будут все, кто ждали.

А те, кто не ждали? Неужели есть нации, в целом осужденные или в целом предназначенные? Неужели в той пламенной идеи воскресения, которой живо христианство, содружится учение о нациях, мистически обреченных на гибель или на спасение? Никогда! Это уподобление нации — личности есть лишь частичный образ, лишь пояснительный. Самая идея «вселенской церкви» до того не вмещается в обычное сознание, что оно роковым образом останавливается у порога. Изуверство — даже помыслить, что есть осужденные и неосужденные нации, как нации, в своем целом! Но я хочу лишь сказать, говоря о национальных судьбах, что у отдельных людей, входящих в состав какой бы то ни было нации, любящих себя не только как вообще человеческую плоть, но и как плоть национальную, чувствующих себя вместе именно как нация, потому что они люди одной плоти, — должны быть и общие

ожидания, общие надежды. Для людей, совершающих религиозное бытие, — только одно ожидание, одна надежда — на исполнение одной мечты: не остаться лишь частью человечества, но стать частью «церкви». Исполнение мечты — за любовь к Жениху, которого они все в отдельности и все вместе — национально — ждали и для которого готовили свою человеческую плоть. Человеческую плоть — не мыслимую, как плоть вообще, без всех ее живых, кровных и психологических, стало быть, и национальных признаков.

Мистические тайны нам неизвестны. Однако тот, кто верит в воскресение из мертвых, не может не верить в воскресение каждой плоти, достойной воскресения, со всеми ее эмпирическими определениями, — стало быть, и со всеми ее национальными свойствами. Нельзя верить, что в вечности сохранятся национальные группировки, национальные разграничения, но нельзя думать, чтобы хоть одна живая национальная черта в человеке, достойная правды Божьей, исчезла, а не осталась вовек в этой правде.